

Философия истории

Философия истории представляет собой особую сферу философского знания, в которой речь по преимуществу идет об основоположениях удивительного феномена - человеческой истории. Вопросы, которые в этой связи обсуждаются, достаточно неожиданны: как возможна история вообще? Есть ли в ней какой-либо умопостигаемый смысл? Если есть, то откуда он берется, т.е. заключается ли он в самой ткани исторического события или он - следствие нашей позднейшей его интерпретации? Имеет ли история направление? Кто является творцом истории? Как возможно историческое событие? Понятно, что определение специфики философии истории зависит от определения философии в целом. Поскольку же единого, удовлетворяющего всех определения не существует, то невозможен и унифицированный взгляд на философию истории. Возможно, философия как особый духовный феномен существует именно в качестве вопрошания о самой себе, о своей природе. Ее специфика раскрывается в череде попыток ответить на вопрос о ее природе, и, следовательно, философию следует искать в истории философствования. Если согласиться с таким подходом к философии, то к философии истории можно приблизиться через знакомство с историей философии истории.

В известном смысле любая философско-историческая концепция тщетна, недостаточна применительно к историческому процессу. Иными словами, история не может быть исчерпана какой-либо концептуальной схемой. Любая схема искажает, огрубляет историческое бытие человека. Но это не означает, что мы должны отказаться от попыток его изучения. Философия истории может быть понята в качестве ряда непрекращающихся попыток задавания предельных вопросов о бытии, мире сквозь призму исторического материала.

Термин "философия истории" довольно позднего происхождения. Его ввел в оборот Вольтер. Одна из его работ так и называлась - "Философия истории". Однако это менее всего означает, что Вольтер является основателем этой философской дисциплины. Философия истории возникла намного раньше, по крайней мере в европейской философской традиции. Хотя нельзя сказать и того, что она появилась на свет одновременно с возникновением философии в рамках этой традиции, т.е. в Древней Греции. В каком-то смысле античная мысль не знает истории в качестве фундаментального предмета философской рефлексии. Слово "история", как известно, греческого происхождения, однако у ранних греческих историков (и философов) оно означало "исследование" в смысле "расследования", "расспроса", некоего кропотливого собирания сведений, рассказов о делах людей прошлого и настоящего. История представляется совокупностью "сырых фактов" и пересказов этих фактов, в чем еще нет знания, нет науки. История с этой точки зрения не поддается теоретическому оформлению, сведению в целое, в ней отсутствует руководящее умопостигаемое начало. Отсюда невозможна и философия истории, да и сама история - в том смысле, какой мы сейчас придаем этому слову. Позднее, однако, история приобретает у древнегреческих мыслителей умопостигаемую форму.

Ею становится по преимуществу форма циклического развития, в котором историческое бытие человека оказывается представленным и осмысленным как совокупность вечно повторяющихся фаз в трансформации общественного устройства, в первую очередь форм государственного правления. Эти концепции в какой-то степени стали прототипами тех всеохватных по отношению ко всемирной истории схем, которые разрабатывались европейскими мыслителями нового времени, избравшими исторический процесс основным объектом философствования (начиная, вероятно, с Д. Вико - итальянского философа и историка XVIII в.). Одну из наиболее развитых концепций такого рода мы встречаем у Полибия - греческого историка II в. до н.э. У него же, кстати говоря, можно обнаружить и предпосылки, ведущие к преодолению взгляда на историю как на круговорот некоторого набора форм политического устройства. Полибий был большим поклонником римского общественного устройства и именно с ним связывал возможность выхода из "дурной бесконечности" повторяющихся циклов смены одних форм государственности другими, поскольку в римском государстве усматривал счастливое совмещение всех возможных форм государственности (монархии, олигархии и демократии), что, по мнению Полибия, как раз и удерживало римскую государственность от сползания к повторению фаз политической истории, проходимых всеми другими государствами античного мира. Такая совмещающая структура делала римский государственный строй стабильным и как бы вечно новым.